

Эта книга не является продолжением первой, которую я назвал «Мой сын Роман Трахтенберг» и которая появилась на полках магазинов под именем «Роман Трахтенберг. Шоу длиною в жизнь».

В ней я по возможности честно и беспристрастно рассказал о жизненном пути своего сына, о его творческом становлении, о его поисках и достижениях, о непростой противоречивой эпохе, которая наложила на них свой отпечаток. «Великого и ужасного» Романа Трахтенберга с его эпатажным юмором на грани, а частенько и за гранью фола невозможно рассматривать вне тех самых девяностых, о которых немало сказано и будет говорить еще и еще. Рассказал о людях, с которыми ему довелось встретиться и которые оставили в его судьбе свой след.

Но, к великому моему сожалению, сейчас говорить приходится совершенно о другом. Роман ушел из жизни в достаточно молодом возрасте, полный сил и творческих планов. Да и в своем творчестве он собирался идти дальше. В одном из наших последних разговоров Рома, хитро улыбаясь, заговорщицким шепотом поведал мне, что задумал много совершенно других проектов, принципиально новых, кардинально отличающихся от всего, что он делал до сих пор. «Скоро сам увидишь», — отвечал он на все мои настойчивые расспросы. К несчастью, увидеть уже не довелось...

Как и всякая известная персона, Рома был всегда в гуще событий, всегда окружен людьми, многих из которых считал своими искренними друзьями. Он был добрым и отзывчивым человеком, прекрасным заботливым сыном, по мере сил и возможностей старался быть хорошим отцом. Рома любил своих друзей и никогда не отказывал им в помощи.

Когда умирает человек, с ним исчезает целая вселенная, мир, который был внутри и который вмещал в себя бесконечное множество эмоций, чувств, желаний. Неограниченное количество воспоминаний, начиная от первого падения и заканчивая... Не забывайте об этом!

Дорогие друзья, эта книга написана не только для того, чтобы мы помнили тех, кого любим и кто не сможет быть рядом с нами никогда, но и для того, чтобы мы не забывали живых!

Да, мы пережили своего сына! Это, наверное, самая ужасная кара, которую Господь мог придумать за наши грехи, и, хотя прошло уже пять лет с того ужасного дня, сердце продолжает болеть, как будто все произошло только вчера. Кто-то говорит, что время лечит, — неправда это! Единственное, что может сделать время, — это приучить к боли, помочь сжиться с ней и лишь в редких случаях немного приуменьшить ее!

Не всегда получается приехать на могилу к сыну, посидеть, попросить прощения. А есть еще родные, которые похоронены очень далеко, и к некоторым я вряд ли когда-нибудь попаду на могилку. Зато эта книга — виртуальный памятник: я в любое время могу спокойно посидеть, зажечь свечку, положить цветы...

Больше мне сказать нечего, просто зайдите и прочитайте...

Но теперь я на минуту прерву свое повествование, чтобы дать слово великому поэту более ранней эпохи. Эти слова как нельзя лучше характеризуют то, что побудило меня снова взяться за перо.

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем, им довольно воздали дани.

Теперь поговорим о дряни.

(В. Маяковский)

Совсем другое — омерзительное и поражающее своим цинизмом — шоу началось буквально на следующий день после смерти сына. У людей, хотя бы в минимальном количестве обладающих совестью и нравственными критериями, принято перед лицом общего горя объединяться, забывать старые мелочные обиды или, по крайней мере, решать свои разногласия в вежливой и уважительной форме, бережно относясь к чувствам друг друга.

Но не такими оказались те, кто при жизни Ромы бил себя всеми конечностями в грудь, говоря о своей любви и привязанности к нашему сыну. Смерть Романа подобно вспышке молнии осветила истинный облик многих окружавших его людей: благородство одних и запредельную низость других.

Нам, убитым горем родителям, пришлось не только взять на себя все печальные хлопоты, бороться за то, чтобы память сына оказалась увековечена достойным образом. Нам пришлось столкнуться с обманом и предательством, грязью, ложью и материальными претензиями, которые вдруг начали размножаться подобно ядовитым поганкам после дождя. Я постараюсь написать человеческим языком о том, что не имеет человеческого облика.

Эта книга является не только мемуарами, не только художественным повествованием. Каждое слово, каждый описанный здесь случай подтверждены документально. В этой книге, дорогие мои читатели, правда и ничего кроме правды. Мне, старому человеку, ветерану Великой Отечественной войны, инвалиду, не к лицу унижать себя, искажая истину. Даже ради самой благой цели.

Персонажи, о которых пойдет речь, — реально существующие, ныне здравствующие граждане, каждого из которых после всего произошедшего невозможно назвать гордым словом «человек». Когда я работал над первой книгой, в которой они упоминаются под вымышленными именами, меня не покидала надежда, что у них проснется совесть и они постараются хоть немного загладить вину, восполнив нанесенный ими ущерб, не только материальный, но и моральный, что, на мой взгляд, не менее важно. Но мои надежды оказались напрасны.

Подобно тому, как в древности преступники выставлялись у позорного столба, я хочу выставить этих, с позволения сказать, личностей, сделать их предметом всеобщего обсуждения и осуждения. Находясь в здравом уме и твердой памяти, я полностью отвечаю за свои слова. Итак, гражданская жена, а точнее, сожительница моего сына, скрывавшаяся под именем Лизы-Лизаветы, — Елена Романова, Зару на самом деле зовут Верой. Шофер Костичка, которого мой сын взял в буквальном смысле этого слова с улицы и который предал его доверие, носит имя Алексей. Пусть им всем будет стыдно!

За четыре года, прошедшие с момента трагедии, я по крупяцам собирал информацию о московских событиях в жизни Ромы. И теперь я хочу рассказать об этом вам, мои дорогие читатели. В этой книге я позволю себе прерывать повествование

лирическими отступлениями, которые, на мой взгляд, важны для понимания событий, а также возвращаться по несколько раз к особо значимым эпизодам.

Больше всего на свете мне хотелось бы, чтобы все сложилось по-другому, как это происходит в нормальных семьях, среди уважающих друг друга людей. Чтобы не было этих выматывающих нервы судов, вражды и нервозности. Чтобы сохранились теплые отношения с обоими внуками. Чтобы мой младший внук Лев-Давид не слал мне письма с курьером, а звонил и заходил в гости. Но, к величайшему сожалению, этого не произошло, и поэтому... Вот, собственно говоря, поэтому и родилась эта книга.

История, которую вы прочтете на страницах этой книги, не закончена и по сей день. Мы с женой, матерью Ромы, подвергаемся гнусным нападкам, преследованиям и бесчеловечным оскорблениям. Нам выматывают душу бесконечными судебными преследованиями, исками и юридическими проволочками. Нас смешивают с грязью, открыто заявляя, что ждут нашего скорого ухода в мир иной. Но мы и не думаем сдаваться. Мы намерены бороться до конца, отстаивая свою честь и достоинство, а также доброе имя нашего сына.

Цель этой книги — не только восстановить попорченную в данном конкретном случае справедливость. Я хочу сказать всем, кто оказался в подобной ситуации: не бойтесь дать отпор злу, каким бы страшным оно поначалу ни представлялось. Подлецы и мерзавцы должны понести достойное наказание. Кто с мечом пришел, тот от меча и погибнет. Иначе просто и быть не может.

*Последний юмор шутника,
Последний выдох у открытого окошка.
Роман, Роман, ты юмора звезда,
а вот себя не поберег немножко.*

Вы замечали, что человеческая память весьма избирательна? И подчас события, произошедшие вчера, помнятся отчего-то не столь ярко, нежели те, что случились несколько лет назад... А может, это свойственно только старости? Сейчас уж и не понять... Я помню до мельчайших подробностей пятницу, 20 ноября 2009 года — день, когда не стало нашего старшего сына. Причем странно: я и утро этого дня тоже прекрасно помню. Но ведь мы еще даже не подозревали о том, что именно в этот день произойдет трагедия.

Обычный питерский день, окутанный серой мглой, которую вспарывали хлесткие крупинки снега. Помню, я стоял у окна и наблюдал, как недобрый, колючий снег пытается продолбить стеклопакет на кухне. Все листья уже слетели с деревьев, и природа приготовилась к зиме. Холодно, зябко, неуютно...

К реальности меня вернул голос жены:

— Лева, вчера Рома звонил, я тебе говорила?

Я оторвался от созерцания пейзажа за окном и повернулся к супруге.

— Что нового у нашего сына?

Признаться, я был немного сердит на Романа. Пару дней назад мы опять повздорили из-за какой-то его скабрезной шутки. Ну не могу я спокойно воспринимать все это. В нашей интеллигентной семье произнести вслух общеизвестное слово на букву «ж» было просто невозможным явлением. А тут мой родной сын произносит со сцены такое, что не на всяком заборе можно написать.

Сейчас, по прошествии времени, я начинаю думать об этом несколько иначе. Без того категорического безапелляционного осуждения. Нашим детям досталось в жизни такое, что мне становится страшно, как много им пришлось пережить. Поэтому они и стали такими, какие есть: самостоятельными, немного циничными, сильными. И при этом они ухитрились сохранить в той ужасающей мясорубке и друзей, и тепло души, и умение искренне смеяться над собой и над другими. Не забывайте, на дворе тогда были девяностые — эпоха сама по себе запредельная и зачастую находящаяся по ту сторону общепринятой морали. И юмор оставался одним из немногих средств не только выжить, но и сохраниться как личность...

— Да перестань ты сердиться на Рому, он у нас умница и молодец, — возразила жена, сервируя стол к чаепитию.

Я как сейчас вижу этот стол и чашки, полные крепкого горячего чая. Последние в той безвозвратно ушедшей мирной жизни. Но тогда мы с женой ничего не знали и продолжали спорить о пустяках, которые казались нам такими важными.

— Да не сержусь я на него, Таня, просто задумался.

— Да? О чем же?

— Презабавнейший случай вчера произошел с твоим су-пругом.

Жена оторвалась от своего занятия, с интересом взглянув в мою сторону.

— Как всегда, заспорили из-за ненормативной лексики у него на дисках. Ну, согласись же, форменная порнуха! А Рома тогда мне сказал: ты, папа, спроси у любого гаишника на улице мнение о моих дисках и послушай, что он тебе ответит. Ну, я, конечно, фыркнул, вскипел. Тоже мне, нашел, у кого спрашивать — у гаишника!

Татьяна продолжала с улыбкой меня слушать, время от времени кивая в знак согласия.

— И что ты думаешь? Еду сегодня из поликлиники, не успел даже с места тронуться, останавливает меня инспектор. И представляешь себе, за что? Ремень не пристегнут! Я принялся уговаривать: да побойтесь Бога, я только отъехал! А гаишнику хоть бы что: давайте писать протокол и предъявите документы. Что делать, протягиваю документы, а из них вдруг вываливается Ромкина фотография. Инспектор спрашивает, кто это такой, но

я-то вижу, узнал! Отвечаю: ну вы, наверное, знаете, это Роман Трахтенберг. Гаишник заполняет свои бумажки, ко мне даже голову не повернул, и ворчливо так интересуется, а почему он у меня в документах. Я и сказал, что это мой сын. Ой, Танюша, ты бы только видела, как он вскинулся. Только что был как робот, а тут смотрит на меня по-человечески. «Не может быть! — так и вскрикнул. — Правда?» Честно говоря, я даже немного смутился. А у меня как нарочно в бардачке лежали два Роминых диска, тех самых, о которых мы тогда в Москве повздорили. Я один раз послушал, рассердился, услышав непарламентские выражения, и убрал с глаз долой. А тут получается, что Рома меня выручил... Вынул один диск, подарил гаишнику. Отпустил он меня и без протокола, и без штрафа. Вот теперь стою и думаю, а может, и правда что-то есть в Ромашкином творчестве? Ну не могут же все его поклонники любить его просто так...

А вечером следующего дня я получал водительские права нового образца и в ожидании своей очереди сидел и слушал, как на радиостанции «Маяк», в своей авторской программе «Трахты-Барахты», вещает мой сын. Я уже потом вспомнил, как Елена Батинова, соведущая передачи, вскользь заметила, что в студии духота и Рома отошел к окну подышать свежим воздухом. Тогда я не обратил никакого внимания на эти слова...

Улыбаясь, жена поставила передо мной чашку и сама присела рядом.

— У нас чудесный сын, Левка, и ты сам это знаешь. А все эти ваши творческие разногласия были, есть и будут — конфликт поколений... Да ты и сам все понимаешь, — улыбнулась она, погладив меня по плечу. — Пей чай, Лев Глебович.

Это был наш последний спокойный вечер. Вечер, когда мы думали, что Рома все еще с нами.

телеведущий Юрий Николаев

— Да, увы, этот эфир оказался последним для Романа. Мы с ним никак не могли состыковаться, давно собирался к нему в программу. Когда я приехал на радиостанцию, мне

девочки сразу сказали, что он чувствует себя сегодня плохо, — это я знал заранее. Но это же не так уж страшно, как нам тогда показалось: усталость или что-то еще, может, погода плохая. Никто ведь не подозревал, что у него давление было 190! Перед началом эфира мы с ним поздоровались — действительно, он выглядел неважно. Попросил у девочек водички. Во время эфира было заметно, что Роман неважно себя чувствует. В том-то и дело, что разговор в эфире шел достаточно динамично, я лично не почувствовал разницы между этим эфиром и другими. Мы шутили, какие-то подковы, как это обычно бывало. Но во время паузы он, конечно, был не такой активный и не такой динамичный. Потом там еще пауза была, он говорит: «Мне плохо, у меня круги перед глазами, я ничего не вижу». Я ему говорю: «Ну, выйди из студии, подойди к окну, подыши свежим воздухом». Он вышел, мы с Леной (Прим. авт.: Лена Батинова — соведущая Романа на «Маяке») продолжили эфир. Она сказала: «Мы сейчас с Юрием Николаевым остались одни, потому что Роману стало немножко нехорошо, но он совсем скоро вернется». У нас у всех была такая уверенность, и у меня в том числе. Затем кто-то из девушек-помощниц зашла во время эфира, во время паузы, и сказала, что вызвали «скорую». Это было верным решением, потому что ему стало еще хуже.

Мы с Леной закончили эфир. У нас даже в мыслях не было прерывать его. А зачем, если мы ничего такого не ожидали, думали, сейчас придет «скорая» и поможет. А оказывается, он отказывался сначала, а потом, видимо, либо понял, либо врачи настояли и забрали его. Хотя сначала были предложения дать спазмалгон или что-то обезболивающее.

Когда я видел Романа в последний раз, ни единой мысли о смерти не возникло, хотя я понимал, что он себя плохо чувствует, приехала «скорая», но я был уверен, что это пройдет, все поправимо. Не настолько все серьезно. Когда я уезжал с радиостанции, я поблагодарил за работу, как это обычно бывает, и сказал передать Роману, чтобы он не болел и спасибо за общение. И я не знаю, сколько прошло времени,

мне позвонили, сообщили о смерти, я просто ничего не мог понять. Я просто тупо молчал. В моей жизни такое в первый раз, чтобы смерть была совсем рядом. Когда это происходит на твоих глазах, то конечно, это шок, невероятность того, что происходит. Он умирал у нас на глазах...

За год до трагедии

Подарки в детстве

— Папа, мама, я сегодня ненадолго. Надо бежать на встречу. Рома вихрем пролетел по нашей небольшой квартирке, выкладывая подарки на кухонный стол.

— погоди, — попытался остановить его я.

Я долго готовился к этому разговору, и все никак, вот уж пару лет не мог его начать.

— Подожди, удели мне немного времени! У меня к тебе важный разговор.

Рома внимательно, с прищуром, так серьезно посмотрел и, кивнув, уселся верхом на табурет.

— Ну, давай, поговорим, раз надо.

Мне сложно было задать первый и самый главный вопрос, но, втянув воздух и резко выдохнув, я как в прорубь нырнул:

— Рома, почему ты так ко мне относишься? К нам относишься, — поправился я. — Куда ушло тепло и душевность? Ты стал чужим, хоть и заботишься о нас, и задариваешь...

— М-да, удивил... Не ожидал, что решишься. — Рома размял пальцы и, посмотрев мне в глаза, продолжил:

— Ну что ж, на прямой вопрос — прямой ответ, хоть он и может показаться тебе нелепым и глупым. Но именно с того момента я просто начал терять к тебе доверие.

Сказать, что последние слова ударили меня будто обухом по голове, значило бы не сказать ничего. Выходит, это я виноват

в том, что из наших отношений с сыном ушла теплота? Это я потерял его доверие?! Но отступить было некуда.

Тем временем Рома продолжал:

— Когда дед приносил два одинаковых подарка мне и Сашке, один из них потом куда-то исчезал, а второй оставался нам на двоих. Думаешь, я этого не замечал? Скажи мне, куда девался второй подарок? Ты его продавал?

Я ожидал всего что угодно, но не этого! И вот как отвечать на такую нелепость?

— Рома, а откуда вообще такие предположения? С чего ты это взял?

— Я вот как из армии пришел, помнишь, мы на даче хлам всякий разбирали и выбрасывали? Так вот, тогда я и заприметил, что игрушки-то все в одном экземпляре, а дарил нам дед всегда две одинаковые, чтоб не обидно было. Правда, я еще в детстве помню две машины, а потом — бац! — и одна оставалась. Так куда игрушки делись, папочка, а?

Задохнувшись от возмущения и вскочив, я заговорил и сам не узнал свой голос: слова раздавались будто со стороны, словно включили старый репродуктор:

— Роман! Через некоторое время после праздника одну из игрушек мы отдавали соседскому мальчику, которого воспитывала мать-одиночка и жили они очень бедно. Не веришь, так спустись на пару этажей и спроси об этом сам у Елены Владимировны!

Скрестив руки на груди, я отвернулся от сына, все еще кипя от возмущения и обиды. Да как он мог подумать, как посмел думать, что я буду продавать их детские игрушки? Поверить, что его родной отец способен на подобную низость?

В кухне наступила мертвая тишина. Пару минут спустя Роман встал и ушел. Хлопнула входная дверь. Я ощутил, как слезы навернулись у меня на глаза, а скулы буквально свело от незаслуженной обиды. Неужели и правда не верит? И пошел к соседке проверять?

Но не успел я закончить эту мысль, как Роман снова ворвался на кухню.

— Папа... у меня нет слов. Прости. — С этими словами сын изо всех сил сжал меня за плечи. — Прости, какой же

я был дурак, и как все-таки горжусь тобой! Я ведь почти двадцать лет мучился из-за этой ерунды. Ну, а на это постоянно накладывались какие-то мелочи, да и эти постоянные дразги с Еленой. С ней вообще постоянный геморрой. Погоди, я отменю встречу.

Рома быстро защелкал клавишами телефона и что-то торопливо сказал, вроде того, что встреча переносится на поздний вечер.

Я обернулся. В кухонном проеме стояла жена и тревожно переводила взгляд с меня на Рому и обратно.

— Все в порядке, мамуля, не волнуйся. — Ромка подскочил и чмокнул ее в обе щеки. — Теперь все в порядке: мы поговорили.

— Рома, а как же маменькин сынок? — улыбнувшись, спросила супруга.

— А я и есть и маменькин, и папенькин и больше не ведусь на такие подколки.

История с этим прозвищем корнями уходит в те недалекие времена, когда Рома обзавелся семьей — гражданской, но от этого не менее реальной, со всеми плюсами и минусами этого положения. И трения между нами и невесткой, к сожалению, тоже имели место. Лена недовольно кривилась всякий раз, когда видела, как моя жена обнимает и целует сына.

— Тьфу, ну что за телячьи нежности, Рома? — фырчала она. — Маменькин сынок, что ли? Вырос уже, а все за юбку держишься. Вот поэтому ты слабак и неудачник.

— Леночка, ну зачем ты так? Мы же не чужие, — увещевала ее моя жена.

Но та в ответ только кривилась и уходила в комнату, всем видом показывая, что она нам не рада. Ромка тушевался и возражать ей не решался. Расстроенные, мы уезжали к себе на Бестужевскую, оставив на кухонном столе привезенные подарки, баночки и пакетики с едой, а нередко и деньги.

После того памятного разговора об игрушках словно солнце засияло в нашем доме. Господи, сколько же лет наш мальчик, юноша, мужчина носил в себе этот вопрос, перебирая ту давнюю

обиду. Оказывается, все наши размолвки в большинстве происходили из-за того, что один из одинаковых подарков мы с женой потихоньку отдавали в неимущую семью. Боже, как хорошо, что все разрешилось...

— Ромочка, может, останешься в своей комнате? — осторожно спросила Татьяна, споласкивая посуду.

— Да нет мам, спасибо. — Улыбнувшись, Ромка потянулся и встал. — У меня же есть своя квартира. Поеду.

Так называемая невестка Лена

Но не только детские обиды стали причиной столь долгой мучительной отчужденности. Это началось еще с первых дней знакомства с Леной. Бесспорно, отношения между женой и родителями взрослого сына редко бывают безоблачными. Как ни крути, а все равно конкуренция. Не скрою, я не испытывал к Ромининой спутнице жизни большой симпатии. Что-то внутри меня как будто включало тревожную кнопку. И, как вскоре выяснилось, не напрасно...

С первых же дней эта женщина пыталась упрочить свое место рядом с Романом. А для этого искусно вбивала клин в отношения между ним и родителями, не гнушаясь никакими средствами.

Жили молодые с Татьянинными родителями, Ромиными дедушкой и бабушкой, на проспекте Стачек.

Как-то позвонил Рома. К телефону подошла моя супруга. Смотрю: Таня побледнела, руки затряслись, она что-то пролепетала и тихонько положила трубку.

Я вскочил:

— Что? Что случилось, Танюша?

— Звонил Рома, — тихо оседая на табуретку, пробормотала моя жена. — Говорит, что у них из комнаты пропали доллары. Он сказал, что взять могли только мои родители, больше никому. Но, Лева, мама же с пенсии сама доллары покупает, чтоб Ромашке подпихнуть незаметно. Как же это? Что же это? — всхлипывала Танюша, комкая подол платья.

— Погоди, не плачь!

Я метался, не зная, что делать. Я вообще никогда не знал, что делать с женскими слезами, и всегда терялся.

— На, выпей воды, разберемся. Я уж испугался, что-то с твоими родителями. А раз они живы-здоровы, то все не так страшно...

Финал этой некрасивой истории оказался не менее потрясающим в самом скверном смысле этого слова.

Зинаида Петровна, мама Татьяны, тоже была до глубины души потрясена этой возведенной на нее напраслиной и, вопреки ожиданиям бессердечной интриганки, решила все выяснить самостоятельно.

Дождавшись, когда Рома с Леной куда-то уйдут, она, отложив в сторону снисходительность и деликатность, устроила форменный обыск в комнате молодых — грамотно, по часовой стрелке, снизу доверху.

Деньги нашлись! Они лежали, свернутые в трубочку и перетянутые черной резинкой, за подкладкой Елениной зимней куртки. Все вышеописанное происходило летом, поэтому куртка была убрана на антресоли.

Зинаида Петровна не стала никому ничего доказывать или объяснять. Она просто поставила денежный цилиндрик посередине обеденного стола в комнате молодых и перестала общаться с новоявленной жиличкой.

В противоположность общеизвестной народной поговорке, что яблочко от яблони недалеко падает, мама Лены, Татьяна Васильевна, вначале казалась нам чудесной женщиной. Но своей деревенской мамы Лена отчаянно стеснялась. Она-то теперь городская, с высшим образованием. Дошло даже до того, что однажды она сказала нам, что она сирота и воспитывалась в детском доме. Хотя, на мой взгляд, стесняться в провинциальном происхождении нечего. Наоборот, гордиться этим надо! Приехать из провинции, поступить в институт, окончить его — такое достойно лишь самой искренней похвалы. Однако потом нам пришлось резко поменять свое мнение. Но об этом чуть позже.

Кстати, вот и одна из причин нашей антипатии к невестке. Ну как прикажете относиться к человеку, который постоянно врет? Причем речь идет не о детских или юношеских фантазиях и не

о лжи во спасение. Мы так и не поняли, зачем и для чего она это делала. То она самым серьезным образом рассказывает о себе как о воспитаннице детдома, то вдруг оказывается, что у нее есть мама и она скоро приезжает из Молдавии. Потом так же искренне говорит, что сбежала из дома в 16 лет и поехала в Новгород на подработку, а потом уже в Ленинград поступать в институт. Сегодня она говорит, что у нее есть брат, завтра выясняется, что никакого брата нет и в помине... Можно было бы отнестись к этому с улыбкой, если бы не постоянные попытки рассорить нас с сыном. А он сразу же попал под ее влияние, как впоследствии и Ромин сын, но к этому я еще вернусь.

Итак, в тот вечер Ромка поспешил в свою квартиру...

Перед запертой дверью

Благодаря счастливому случаю Рома купил квартиру на Моховой. И в этой квартире жила Лена с сыном. Нет, это вовсе не значило, что так называемой невестке было негде жить. Она владела прекрасной квартирой на Московском проспекте недалеко от метро, в покупку которой Рома, кстати говоря, тоже вложил приличную сумму. Но некоторым личностям все мало и мало. И вот Лена пошла в разведку, как бы невзначай заговаривая:

— Мама хочет переехать из Молдавии в Питер, но ей же надо где-то остановиться! А я так не хочу, чтобы она поселилась у меня на Московском.

Но на ее замаскированные просьбы купить еще одну квартиру Роман не отреагировал, и в итоге мама Лены поселилась именно на Московском. А на Моховую, куда благополучно переехала ее дочь, она заходила присматривать за внуком.

Но не забывайте, квартиру купил именно мой сын. А тот, кто купил квартиру, и является ее хозяином и по закону, и по совести, тем более что для того она и приобреталась: чтобы, приезжая в Питер, там останавливаться, не связываясь с гостиницами и не создавая проблем близким.

Глубокая ночь. Раздается звонок моего мобильного.

— Папа, ты представляешь, меня с Николаем не пускают в квартиру, — от возмущения трубка вибрирует и звенит. — Нет, ты только представь себе, ее мать говорит, что не может меня пустить без разрешения Лены. И это в мой собственный дом! Слушай, пап, ты перезвони этой ненормальной, может, хоть ты с ней общий язык найдешь, а то я замыаялся уже тут на площадке стоять.

Я перезвонил Лениной маме, но услышал тот же ответ, что и Рома:

— Лены нет дома, и телефон у нее выключен, а я без ее разрешения никого впустить не могу. К тому же, они, похоже, выпивши.

«Нет, ну какова? — возмущался я про себя. — Мало того, что это Ромина квартира и, хоть они и не живут уже давно вместе, он ее содержит так, как многим и не снилось, так эта женщина смеет не пускать его в его же квартиру. Даже если они не совсем трезвые, дела это не меняет. А теперь Роме стыдно перед своим знаменитым другом. Ну что это такое!» — переживал я, набирая телефон Романа.

— Рома, мне она сказала то же самое и сообщила, что у Лены выключен телефон.

— Вот хрен ей тогда собачий, а не бабки, — взорвался Рома. — Ладно, пап, спасибо.

Чем тогда закончилась эта история, я уже не помню. Наверное, они с приятелем отправились в гостиницу.

А теперь, дорогие мои читатели, я ненадолго уступаю место другому рассказчику. Их в этой книге будет более чем достаточно — друзей моего сына, тех, с кем он сталкивался в своей артистической деятельности, и тех, с кем контактировал лишь мимоходом.

Константин Кулешов

Я продюсер спектакля, в котором Рома должен был играть на следующий день, 21 ноября. Днем я ему звонил перед тем, как он должен был ехать на радиостанцию «Маяк», где он вел передачу. Не верится!

Только что разговаривал с человеком, и вдруг через несколько часов его уже нет...

Как же так?

Я сказал Роме, что все билеты проданы, что его очень ждут зрители, и он мне в ответ:

— До завтра...

Наверняка он не хотел ехать на «скорой», потому что боялся меня подвести. Боялся, что его положат в больницу и он не сможет играть спектакль «Уикенд по-французски» с народной артисткой РСФСР Ириной Мазуркевич. А он так ждал этого, готовился...

Мне посчастливилось быть на премьере этого спектакля. Воспоминания о нем до сих пор наполняют меня гордостью. Действие еще не началось, даже занавес еще не поднят — и вдруг выходит Рома в белом изящном костюме читать монолог. Он еще даже рта открыть не успел, когда раздались аплодисменты. Не скрою, я смотрел на своего сына и плакал от радости. Рома наконец-то вступил на тот жизненный путь, для которого был предназначен с самого рождения. Сколько я пережил, пока он перебрал множество занятий, но все они были не для него.

Наконец-то мой сын занял свою нишу, делает то, к чему у него с самого начала было призвание...

«Он умер...»

Но вернемся в тот роковой день, когда произошла трагедия. Вечер, половина восьмого. Резкая трель телефона заставила меня оторваться от чтения Роминых анекдотов. Я посмотрел на дисплей. Вера? Странно, чего это она звонит. Не балует она нас разговорами...

— Верочка, здравствуй, моя хорошая, как ты? Как Рома?

В ответ слышалось всхлипывание.

— Лев Глебович, Романа увезли на скорой помощи в больницу, — зачастила законная жена Ромы, — во время эфира на радио ему стало плохо, подробностей пока не знаю...

Связь прервалась, и тут же я услышал, как на нашем этаже остановился лифт. Татьяна вернулась. Надо ей сообщить, что произошло.

Только бы она не разволновалась! Татьяна вошла в комнату, а я все еще раздумывал, как ей обо всем рассказать и наконец выпалил:

— Рому по скорой в больницу забрали. Плохо стало во время эфира. Ты, главное, сама не переживай. Ну, увезли, ничего страшного. Меня тоже, помнишь, сколько раз в больницу увозили и ничего — жив-здоров. И с Ромой все будет хорошо, вот увидишь.

Но Татьяна, наверно, уже почувствовала неладное. Она побледнела, оперлась о стену, выпустив сумку и зонтик на пол, и, вдохнув, прижала руку к груди:

— Что с ним?

— Не знаю, связь прервалась, а теперь абонент недоступен.

— Лева, звони скорее Леше, он же его личный водитель, значит, с Ромой постоянно. Он точно все знает.

В трубке один за другим раздавались длинные монотонные гудки. Да что же он не подходит, в самом-то деле?!

— Лев Глебович, это вы? — заполошный голос Леша вывел меня из транса ожидания.

— Леша, да, это я. Что с Романом? Позвонила Вера и сказала, что его по скорой доставили в больницу. Что с ним?

— Лев Глебович, так вы еще не знаете? — глухо пробормотал Ромин водитель.

— Что не знаю? Чего не знаю? Я ничего не знаю. Что с Ромой?

Как будто со стороны я слышал пронзительный истеричный крик и только несколько мгновений спустя понял, что это кричу я сам.

— Лев Глебович, он умер.

Все вокруг исчезло. Я будто летел в бездонную бесконечную пропасть. Где-то в другом мире грохнулся об пол выпавший у меня из руки телефон, жена прикрыла рукой рот, чтобы сдерживать рвущийся оттуда безмолвный крик. Нас, крохотных и беспомощных, подхватил жестокий ураган, чтобы низвергнуть в пучину отчаяния.

— Алло, Лев Глебович. Алло... — бубнила лежавшая на полу трубка, но потом и она замолкла.

Тишина. Мертвая тишина.

Немного придя в себя, я поднял с пола трубку, набрал номер младшего сына и непослушным механическим голосом сообщил страшную новость:

— Саша, нам только что сообщили, что Рома умер.

журналист, писатель Алексей Богомолов

Я потерял друга, близкого мне человека и соавтора. Последние полгода мы с Романом писали книгу. Рабочих названий два — «Дорога к храму» и «Семь-сорок». За два дня до смерти Романа я закончил писать анонсы к книге.

Текст у меня готов полностью, вот только Рома не успел его начисто отредактировать. Придется это делать мне...

В этой книге вы встретитесь с настоящим и живым Романом, услышите его слова, шутки, разные истории, которые мы придумали для всех вас вместе с ним.

Эта книга станет, к сожалению, последней, но, поверьте, она продлит всем вам общение с Ромкой.

Я буду очень стараться завершить работу так, как хотел бы сделать он.

Это было не только страшно. Это было невероятно. Те, кто хоть раз терял близкого и родного человека, поймут, что мы чувствовали.

В голове раздавалось набатом — он умер. Наш сын умер. Что делать? Что же делать? И так по кругу одни и те же мысли. Я хватался за одно, отбрасывал и хватался за что-то еще — бессмысленное мельтешение и метания по квартире.

Неимоверно трудно передать словами то, что происходило у нас в доме в первые часы после того как мы с Татьяной узнали о смерти сына. Потом позвонил Саша и сказал, что едет

срочно в Москву. Лена и Лев-Давид, наш внук и сын Ромы, уже выехали.

— Да, — повторил я, судорожно хватаясь за эту мысль, как утопающий хватается за соломинку. — В Москву. Надо ехать туда. Немедленно! Это будет самое правильное.

Дальнейшее тонуло в густом непроглядном тумане. В Москву, но куда именно? И где искать Рому? Если он умер, значит, находится в морге, но каком? В какую больницу его отвезли, когда ему стало плохо?

На следующий день мы уже были в Роминой московской квартире, где они жили с Верой. Ее родители уже были там, они приехали первыми.

Несмотря на все переживания, какой-то уголок сознания продолжал фиксировать происходящее, оценивая все с точки зрения логики.

«Как же они успели опередить нас? — взывал ко мне голос рассудка. — Ведь им ехать на машине не меньше тридцати часов, а мы взяли билеты на ближайший поезд сразу же, как только узнали о смерти Ромы».

Но тогда я попросту отмахнулся от него. Нам с женой было не до этого.

Случалось ли вам бывать в доме, который только что посетила смерть? Те, кто настолько счастлив, что не пережил этого сам, могут вспомнить кадры из фильма или эпизод из литературного произведения. Что можно встретить в таком доме? Слезы, растерянность, может быть, истерику и бесполезные сетования на судьбу. Но совсем не это мы встретили в квартире нашего сына, еще так недавно оставившего этот мир.

Сцена, которую мы увидели, не укладывалась в сознании нормального человека. Дом был полон незнакомых людей; они повсюду сновали, собирали вещи и паковали их в мешки. Наполнив, они сносили их куда-то и начинали паковать новые. На наших глазах происходил деловитый целенаправленный грабеж!

Саша, мой младший сын, попытался вмешаться:

— Вера, что здесь происходит? Что делают все эти люди?

Но безутешная вдова едва удостоила нас своим вниманием. Чуть покосившись в нашу сторону, она буркнула, что нам

не о чем волноваться и все эти вещи принадлежат ее родственникам. Они оказались на машине, вот и заехали за своим имуществом. Тогда она еще заботилась о том, чтобы соблюсти хотя бы видимость приличия.

«Странно, — снова подал голос уголок сознания, отвечающий за здравый смысл. — Родственники приехали из Владикавказа, зачем им было бы тащить с собой столько багажа?»

Таня ходила по квартире, ей хотелось в последний раз взглянуть на комнаты, где еще так недавно жил Рома, на вещи, которые его окружали и, казалось, хранили тепло его рук. За ней буквально по пятам следовали Вера и ее мама. Открыв дверь в одну из комнат, Таня увидела, что там стоят баулы и всевозможные туго набитые дорожные сумки.

Ларчик открывался просто: Вера старалась побыстрее упаковать все, что возможно увезти, утащить до приезда нотариусов и до описи того, что находилось в доме. Подобно командиру, командующему спецоперацией, она сновала между родственников и тихо раздавала указания, что и как упаковывать, что в каком порядке выносить из дома.

Я неподвижно стоял, не в силах пошевелиться и поверить в реальность происходящего. Наваждение спало лишь тогда, когда Вера сказала Леше выносить Ромино «царское» кресло. Была у него слабость к громоздкой нарядной мебели. Кресло и в самом деле было больше похоже на царский трон из какого-нибудь сказочного фильма: с роскошной обивкой, резными деревянными подлокотниками. В глаза мне бросилась яркая ленточка, обвязанная вокруг одной из ножек. Лена, наверно, состояла в какой-то секте или подобной организации. Как она когда-то объясняла, с помощью ленточки она пытается не то оградить Рома от бушующих вокруг сил зла, не то изгнать зло из него самого...

— Вера, это же Ромино кресло, — вмешался я. — Куда ты хочешь его везти?

— Да не переживайте вы так, — скривилась невестка, отмахнувшись от меня как от надоедливой мухи. — Его в зал прощаний повезут.

Но, глядя на распахнутые настежь дверцы шкафов и пустые полки, я не особо верил в ее слова...

Забегая вперед, скажу, что никакого кресла в зале прощаний я так и не заметил. Хотя не исключено, что его поставили где-то в уголке, завалили букетами цветов и венками, или оно на некоторое время стало невидимым.

Это был чудовищный, запредельный кошмар! С момента смерти Ромы не прошло и суток, а его вещи уже растаскивали. И это еще не все: мать с Верой ходили за нами подобно церберам, а затем Вера едва ли не силой затолкала нас в гостиную, сказав подождать здесь, пока они все не приготовят к отъезду на прощание с Ромой в московском центральном Доме искусств.

Что оставалось делать? Усевшись в комнате, я непроизвольно обвел взглядом потолок, стены. Прямо у батареи сиротливо стоял красный портфель Романа. Я улыбнулся ему, как старому другу. Сколько воспоминаний было связано с этим предметом! Десятилетие Романа, а затем его свадьба...

Далекое прошлое

Это был тот самый портфель, который когда-то подарил Роману его дедушка — Липа Лейбович. В этом портфеле мы с женой привезли Роме подарок на свадьбу. Вспоминаю, как долго и тщательно мы его готовили.

Вот альбом с его детскими фотографиями — в портфель, вот оцифрованный семейный видеоархив, аккуратно нарезанный на CD-диски, — в портфель, вот аудиозаписи, на которых Роман детским голосочком выводит песенки, стишки, — туда же. Гербарии, которые мой сын собирал в детстве и которые сорок лет ждали, чтобы снова показаться ему на глаза, повязка для новорожденного, на которой были написаны его рост и вес, срезанный локон волос в маленькой квадратной прозрачной шкатулке. Глядя на нее, можно было, не открывая, видеть его детские светлые волосы. Следом кладу записи наших с ним воспитательных бесед, мои отцовские дневники, где записано все вплоть до того, когда Рома в первый раз чихнул, какая у него была температура, о чем говорил, о чем мечтал, чего хотел от жизни.

Просто чудо этот портфель: все детство Романа (слава технике!) уместилось в его кожаных недрах... Счастливые родители — мы с женой — с красным портфелем наперевес отправились в Москву, на свадьбу своего сына.

После смерти Ромы Вера все это куда-то подевала, будто ненужный хлам. Любящая жена, называется!

После регистрации гости во главе с молодоженами отправились на арендованный теплоход с рестораном, который поплыл по Москве-реке. К Роману было не подступиться. Вокруг него с поздравлениями и подарками кучками толпились известные люди. Я бегал по палубе с красным портфелем и никак не мог найти нужную минуту, чтобы вручить его сыну. Мы с Татьяной, в нашей простенькой, хоть и праздничной одежде, казались бедными родственниками. Хотя, может быть, и не казались, но чувствовали себя именно так.

Роман наконец-то заметил нашу нерешительность и сам подошел. Я вручил ему портфель. И на какое-то мгновение увидел в сыне того прежнего маленького Ромочку, которого всегда помнил и любил.

Сын сказал, что это лучший подарок, который он получил сегодня, и, бросив в сторону гостей презрительный взгляд, добавил: «Все остальное — мишура, папа».

Снова в разграбленной квартире

Опять появился идиотски улыбающийся Леша с баулом на плечах.

— А это куда девать? — спросил он у Веры.

Та что-то ответила ему, о чем-то распорядилась. Водитель Ромы вместе с двумя приятелями встряхнул звякнувший баул и понес к выходу.

Даже сейчас при воспоминании об увиденном в Роминой квартире меня не покидает ощущение чего-то постыдного и отвратительного. Перед нами происходила грязная возня шакалов, раздирающих на части мертвое тело льва. Но нам, оглушенным неожиданно свалившимся на нас горем, было со-

вершено не до этого. К тому же, в глубине души теплилась надежда: а вдруг Вера действительно говорит правду и все эти люди не настолько плохи, как можно подумать. Как же мы ошибались!

Во время панихиды репортеры толпились вокруг, тормозили, пытались что-то выспрашивать. Но до этого ли нам тогда было?

Наверно, поэтому, не понимая и не воспринимая обращенных к нам слов, мы отказались от участия в первой передаче Андрея Малахова «Пусть говорят», посвященной памяти Романа. Оглядываясь назад, я считаю, что тогда мы совершили большую ошибку.

В целом, передача, надо сказать, нам понравилась. Мы ее посмотрели потом в Интернете. Конечно, там были высказывания некоторых участников, которые нас зацепили. Но в целом это одна из немногих передач, которая была честной, открытой и без той грязи, которая полилась потом.

Если поведение Веры и Лены в первый день нашего пребывания в Москве было шокирующим, то за этим последовал еще более грандиозный и отвратительный кошмар. Впрочем, об этом я узнал намного позже. Стервятники, дерущиеся из-за падали, и те выглядели бы белоснежными голубками по сравнению с этими хищниками, обезумевшими от жадности.

На следующий день после похорон Вера помчалась на радиостанцию «Маяк» за зарплатой умершего мужа. Она уверяла всех, что деньги нужны для родителей Ромы — пенсионеров-инвалидов. Им якобы так тяжело, что даже на еду и лекарства денег не хватает. Наверно, излишним будет напомнить: никаких денег мы ни у кого не просили. А того, что Вера получила, мы и не видели.

Но на этом наша невестка не остановилась. В этот же день она вместе с Алексеем приехала домой к Елене Батиновой, соведущей Ромы, и потребовала вернуть машину, которую известная журналистка купила в кредит на деньги Романа. Девушка была сильно удивлена и попыталась объяснить, что Трахтенберг не покупал ей машину.

— Да, — говорила она, — я взяла у него деньги в кредит и часть уже выплатила.

Вера рявкнула:

— Ничего не знаю!

А затем Леша попросту отобрал у журналистки предмет спора. Прошло уже пять лет, но ни машину, ни деньги ей так и не вернули.

Забегая вперед, сообщу, что все пять банковских карт нашего сына к моменту похорон оказались пустыми. Как такое произошло и куда подевались с них все деньги, остается лишь догадываться.

Предыстория Роминой женитьбы

Спустя четыре года мы услышали еще одну интересную интерпретацию Роминой женитьбы на Вере. Один из его друзей поведал нам следующее.

«Меня, — рассказывает он, — Ромка постоянно спрашивал:

— Слушай, Ленька, а я красивый?»

— Да красивый ты Ромка, красивый, — отвечал я. — Как Карлсон, красивый. Прямо лучший, упитанный мужчина в самом расцвете лет. На тебя ж тетки не могут смотреть равнодушно. Впрочем, и мужики тоже, не пойми превратно».

И правда — по Ромке взгляды скользили далеко не равнодушные! Восхищенные — да. Завистливые — тоже да. Порой алчные — и эти были, — но только не равнодушные. Некоторые, внимательно оглядев Рому, бросали возмущенные взгляды на его жену. Каким это образом какой-то девочке из далекой Осетии достался Роман Трахтенберг?

А дело было так...

«Мы с Ромой собирались по пятницам на Ленинградском проспекте, в его квартире, — рассказывал один из его друзей, — беседовали, песни пели. Выпивали, естественно. И вот как-то однажды выводит он из комнаты девчонку и говорит:

— Смотрите, кого я на улице подобрал.

Берет ее за подбородок, как куклу, крутит во все стороны, демонстрирует нам, как новую игрушку.

— Страшенькая, — говорит, — зато готовит классно.

Оказывается, Вера на «Одноклассниках» повесила фотографию Одри Тату. Ромка случайно наткнулся на эту фотку и при-

гласил девушку на свидание. Конечно, он понимал, что к нему приедет не Одри. А у девочки, как она ему потом рассказала, при встрече затряслись колени, когда она поняла: он-то как раз и есть тот самый великий и ужасный Роман Трахтенберг. Собственной персоной! Девушка пребывала в шоке, а он окинул ее взглядом, подошел ближе и сказал:

— Я, конечно, и не ожидал, что ты Одри, но ты меня все равно удивила. Такая несимпатичная, да еще и азиатская женщина.

Девушка как открыла рот, так и стояла молча, в шоке и недоумении. Надо сказать, что Ромка был прекрасным психологом, и он знал, с кем так можно говорить, а с кем нет.

— Ну что, — говорит с хозяйским видом, — пойдём, что ли?

Она и пошла. А потом и прижилась, как приبلудный котенок. Вера его не раздражала и не бесила, как многие другие. Любил ли он ее? Трудно сказать. Жить с такой женщиной ему было удобно, это точно. Настоящая восточная жена — тапочки принесет, кофе сварит, бутерброды приготовит. Не видно ее и не слышно. Тихая как тень. Будто ее с детства учили на гейшу.

Роме это ко всему прочему льстило, рядом с такой женщиной он себя чувствовал хозяином, альфа-самцом, эдаким турецким султаном. Комплексы, они у нас у всех есть, где-то глубоко запрятанные. Может, и в этом еще все дело.

Помню, — продолжает Леонид, — Ромка, когда мы немного выпьем, любил хвастаться, какие он подарки ей делает, во что одевает. Достанет шкатулку или откроет шкаф с шубами: глядите, моя женщина одета в самое дорогое! А цацки на ней такие, что женам олигархов даже и не снились. Любил он покрасоваться. А без внимания сразу переживать начинал, съезжился как мимоза».

Помню, осенью на 7 ноября мы должны были ехать на одну светскую вечеринку. Я неважно себя чувствовал, думал дома отсидеться. Но Ромка за мной заехал, и оказались мы у Краснопресненской на пароходе. А на такие мероприятия ходят не просто чтобы повеселиться и потусить — это же пиар. Типа

лицом поторговать. В общем, вошли в зал, там уже у кого-то берут интервью. Ромка и так встанет, и эдак повернется, а к нему никто не подходит. Распереживался ужас как; это же надо — сюда пожаловал сам великий и ужасный Роман Трахтенберг, а на него все ноль внимания!

Тогда он меня потащил в соседний зал с буфетом, а там всякие закуски советского образца — шпроты, бутерброды с финским сервелатом. Ромка взял бутерброд со шпротами и надкусил, а тут ему буфетчица и говорит:

— Этот бутерброд стоит двести пятьдесят рублей.

А Ромка и без того уже на взводе. Разозлился, бросил ей пятихатку и важно так отвечает:

— Да не вопрос! У моей жены только одна шуба стоит больше, чем весь этот пароход.

Ну, потом-то взяли у него интервью. Тогда он снова стал прежним Романом Трахтенбергом. Вошел в образ, стал невозмутимо принимать знаки внимания от окружающих и на любой неудобный вопрос давал такой убедительный ответ, что все разве что не в обморок падали. Да, любил Ромка покрасоваться, а без внимания не мог, сразу переживать начинал. Да, в общем-то, все мы такие. Под жесткой бронированной шкурой нежная трепетная душа...

Он все время ждал от меня похвалы, а я совершил ту же роковую ошибку, что и большинство родителей. Боясь, что сын возгордится, я хвалил его далеко не всегда. А Рома был самолюбивым, и ему мое одобрение было крайне важно.

После премьеры спектакля «Уикенд по-французски» Рома сразу подошел ко мне, и его первым вопросом было:

— Папа, ну как?

Мой сын и правда выглядел прекрасно, и его игра была достойна всяческого восхищения. И дернула же меня нелегкая сказать, что у заслуженного артиста — его партнера по сцене — получалось чуть лучше. И это зная, что Рома всегда хотел быть лучшим и первым. Как же я ругаю теперь себя за это! Как бы мне хотелось вернуть эти необдуманные слова назад!

Диетолог Маргарита Королева

Я очень дорожу тем, что люди, которые ко мне приходят, снимают маски. В частности, здесь маска похабника, шута, балагура была снята. Он абсолютно не такой человек. Он очень тонкий, очень добрый, очень ранимый, очень эмоциональный. Он очень интеллигентный, интеллектуальный.

Из телепередачи «Прямой эфир» 19 июня 2014 года

Игорь Микрюков, магистр менеджмента, журналист, писатель: Роман жил очень насыщенной жизнью. И потом, в шоу-бизнесе другой график: люди работают по ночам, днем они спят. Это противоестественно для организма, это и так стресс. Плюс к этому похудение — это второй стресс. А к тому же куча друзей, куча примазывающихся, желающих вместе с ним выпить, погулять. Вот вам основная причина, которая привела к тому, что произошло.

Ведущий: Значит, в его жизни оставался алкоголь, отсутствовал режим...

Игорь Микрюков: Вы знаете, у него было несколько друзей, которые практически не давали ему не пить. Последнюю неделю он практически не спал, и несколько человек с ним выпивали ежедневно.

Алексей Огурцов, актер, мастер спорта: Вот самые правдивые слова за всю передачу!

Игорь Микрюков: К вопросу о переживаниях: у него была другая проблема — он не мог для себя решить, как ему разойтись со своей женой. Это у него была грандиозная проблема и стресс в последние несколько лет. Он женился, а потом не мог для себя решить, как достойно выйти из этой ситуации...

Ведущий: То есть все на него навалилось: и история с супругой, и это резкое похудение.

Алексей Огурцов: Самое интересное, что мы услышали правдивую правду. Несовместимо похудение и принятие алкоголя. В шоу-бизнесе мы знаем, как это происходит.

Прощание

Прощание с Романом проходило в Московском центральном Доме работников искусств. В центре холла стоял массивный гроб черного цвета с бронзовыми ручками по краям. Вокруг него лежали цветы. Цветов было много. Никогда не видел такого количества цветов. И Роман как живой. Легкая ухмылка, добрая, но снисходительная, казалось, не сходила с его губ.

Каждое мгновение я ждал: вот сейчас, еще чуть-чуть, и мой сын откроет глаза, встанет и признается в глупой шутке. Дескать, не плачьте, дорогие мои, я не умер, я никогда не умру. Мне больше всего на свете тогда хотелось, чтобы все это оказалось дурацким розыгрышем. Я бы тогда и сердиться на Рому не стал.

Но глаза не открывались. Лев-Давид, глядя на отца, теребил Татьяну и повторял,

— Бабушка, он как живой, как будто спит.

Та, утирая платочком глаза, отвечала:

— Спит, Левушка, спит...

Сотни людей пришли тогда в Центральный дом работников искусств, чтобы проститься с Романом. Роман грустно улыбался с огромной черно-белой фотографии, встречавшей всех у входа в зал. Эта фотография сейчас смотрит на меня со стены мемориальной комнаты, которую я устроил в своей квартире. Никто из жен не пожелал взять ее себе на память. Но к этому я еще вернусь.

Коллеги, друзья, семья, дети, а также все поклонники его искрометного юмора приносили цветы, говорили Роману последнее «прости» и даже читали стихи. Почти все сходились в одном: в жизни Роман не соответствовал своему образу, сложившемуся у зрителей и слушателей, — на самом деле он был очень ранимым и интеллигентным человеком.

Мы с Татьяной подошли к гробу. К нам пристроилась Вера. Вслед за ней пятнадцатилетний Лев-Давид — младший сын Романа. Последние мгновения прощания... Замершая тишина, и вдруг, как гром посреди ясного неба, звонкий голос Льва-Давида:

— А где магендавид? Кто снял бриллиантовую Звезду Да-вида с груди папы?

Господи, до какого же позора я дожил! Родной отец лежит перед ним в гробу, вокруг друзья, родственники, журналисты, а он... Перед Верой, законной женой, тоже неловко; что она может подумать? И ведь добро бы это сказал маленький ребенок: мало ли, на что толкнет детская непосредственность. Так ведь пятнадцать лет, вполне сознательный возраст, когда уже пора бы отвечать за свои слова и поступки. Теперь, оглядываясь назад, я вижу, что этот эпизод был лишь «первым звоночком», за которым последовала череда событий, чудовищных и находящихся по ту сторону и человеческой морали, и здравого смысла.

Для тех, кого больше всего интересует судьба магендавида, объясняю: и Звезду Давида, и браслет с кольцами, и прочие дорогие украшения сняли врачи и передали на сохранение. Обладательницей банковской ячейки является Елена. Так что в дорогих украшениях никто не лежит в больнице и тем более не уходит на тот свет. После смерти владельца они достаются его наследникам, и я до сих пор надеюсь, что все совершится по закону и справедливости.

Бывший крупье в казино Девушка, не пожелавшая себя назвать

Примерно в те года я работала крупье в казино. Работа это ответственная, непростая, и клиенты попадаются всякие. Многие мало того что ведут себя невежливо, они просто теряют человеческий облик. Вы себе даже не представляете, до какого свинства может дойти человек! Во время игры сразу становится видно, что за человек, какой у него уровень и что в душе — свет или куча дерьма.

Так вот, к нам в казино заходил Роман Трахтенберг — поиграть, отдохнуть. У артистов ведь тоже работа нервная. Мы все его очень любили. Всегда вежливый, никогда ни с кем не ругался. Даже когда проигрывал кучу денег и я их забирала, ни разу не услышала ни одного грубого слова. А когда он выигрывал, отдавать ему эту гору фишек было так приятно, будто сама их получаю.

Таких, как он, очень мало. Жаль, приходил он к нам мало и нечасто. Долго не засиживался. Ни компаний, ни скандалов от него никаких: просто молча играл, отдыхал после своего шоу. Он у нас был совсем не такой, как на сцене — тихий, спокойный, весь в себе. Недавно прочитала его книгу «Гастролер» — ну просто супер! Такой юмор, что просто на удивление. Потом у меня эту книгу зачитали, всем коллективом помирали со смеху, вот честное слово!

Как жаль, что такого человека не стало. Никакими словами не передать.

Снова прощание

Больше пяти часов тянулись люди, пожелавшие сказать последнее «прощай» нашему сыну. Когда человеческий поток спал, гроб вынесли на улицу, и тут раздались аплодисменты. Древний обычай провожать артистов и со сцены и в мир иной. Под эти прощальные овации нашего сына загрузили в катафалк, и траурная процессия отправилась в Питер, к месту последнего упокоения Романа Трахтенберга. Ехали колонной. По пути постоянно пристраивались все новые и новые машины, провожающие Романа в последний путь.

У Татьяны постоянно прихватывало сердце, что и не удивительно. Наш автобус останавливался, как только ей становилось нехорошо, мы выходили глотнуть воздуха и снова ехали дальше. Ехали хоронить нашего сына.

священник отец Александр

Я помню Романа еще тут, в Питере. Он был очень светлым человеком, очень хорошим. Вы скажете, Роман был матерщинником? Да кто из нас хоть раз в жизни этим не грешил, милые мои? Разве же это главное? Важнее, что у человека в душе, а душа у него была просто золотая! Я же прекрасно помню его становление в нашем городе. Видел его

не с парадной стороны, а усталым и вымотавшимся, как собака. Он дарил людям радость, положительные эмоции, а это самое божеское дело.

Юрий Корнеев

Нам всем безумно хотелось верить, что это затянувшаяся шутка. Ну не могло такого быть, чтобы Ромка — и вдруг умер! Просто не могло быть, и все тут... И утром в Доме Радио, и потом на кладбище всем нам казалось, что сейчас выяснится, что это всего лишь розыгрыш. Мы все больше всего на свете желали, чтобы это оказалось так. Чтобы произошло чудо. Но чуда не произошло. В 15.48 его приняла земля.

И только стоя у края могилы, я понял, что это окончательно и непоправимо. Ромки больше нет с нами.

Первый эфир без него стал новым испытанием... Пусть шоу продолжается. А мы, ваши дорогие слушатели, всегда будем с вами. И, конечно же, с нами со всеми всегда будет Роман.

Ромины анекдоты и передачи

Здесь я снова позволю себе остановиться и рассказать, что принесло Роме первую славу. Так вот, это были анекдоты. Он знал их практически все. Почти любой анекдот, который рассказывали в его присутствии, он на спор брался продолжить и очень переживал, когда не мог этого сделать. Позже Рома завел специальную передачу, где любой желающий мог попытаться счастья — рассказать анекдот, и если Рома его не знал, рассказчик получал впечатляющую сумму денег.

Однажды у меня испортился музыкальный центр, и я отнес его в мастерскую.

— Вот, включите и посмотрите сами, — сказал я.

Мастер включил радио, и надо же такому случиться: в эфире «Русское радио», и Рома рассказывал анекдот, за который я в личной беседе точно бы не похвалил.

— Ну вот, и здесь мой сынок, — тяжело вздохнул я.

— Что, ваш сын — Роман Трахтенберг? — изумился мастер, а потом на вопрос, сколько я ему должен за ремонт, не взял с меня ни копейки.

Был еще один случай, когда я, скажу вам честно, даже испугался. Выхожу я вечером гулять с собачкой, и вдруг навстречу мне выскакивает молодой человек без верхней одежды и даже без рубашки, голый по пояс. А время, надо сказать, было уже довольно холодное.

— Извините, вы отец Романа? — без всяких предисловий начинает этот парень. — Извините, что я в таком виде, я в гости у знакомого, увидел вас, не успел одеться. А можно мне попросить у вас автограф?

— При чем тут я? Я же не Рома. И у меня здесь с собой ни авторучки, ни бумаги, — попытался я немного успокоить странного собеседника.

— А хотя бы пока притронуться к вам, как к отцу Романа, можно? Я сейчас сбегаю, принесу, на чем вам дать автограф! — не сдавался тот. — Кстати, вы не могли бы помочь мне попасть в передачу «Деньги не пахнут»?

— Так это вам Рому самого надо попросить.

— Ну, пожалуйста!

Мне эта беседа была неприятна, и поэтому я не стал дожидаться Роминого поклонника и поскорее покинул это место.

А передача у Ромы, если кто не знает, была весьма специфическая. Он давал своим участникам разные задания, за которые не всякий бы взялся. Например, вручал сиденье от унитаза, с ним надо было пойти на улицу и уговорить кого-нибудь сфотографироваться с участником, используя сиденье как рамку. В личной беседе я даже ругал Рому за такие передачи:

— Ну как ты можешь низводить людей до уровня скотов?

— Нет, папа, все совсем не так, — возражал мне сын. — Я, наоборот, показываю, на что люди делаются способными ради денег и как отвратительно при этом выглядят.

Так вот, встреченного на улице молодого человека, который просил у меня автограф, я потом увидел в одной из Роминых пе-

редач. Парень ел что-то омерзительное, его рвало прямо в кадре, и при этом вид у него был на редкость счастливый. Ну что тут можно еще добавить...

**известный детский хирург, профессор медицины
Леонид Рошаль,**

Вы знаете, все же Роман был личностью. Он не был среднячком, не был серым. Его всегда можно было слышать, его всегда можно было отличать.

...Он вообще сначала не производил впечатления довольно серьезного человека. До тех пор, пока я лично не познакомился в этой или какой-то другой студии.

...И я увидел совсем, вообще другого человека. Совсем далекого от какого-то мата. Человека, который ставит серьезные вопросы. Который рассуждает. Очень трезво, очень здорово, очень хорошо. Человека, с которым можно спорить во время эфира. Даже иногда с издевкой. Я, например, у него спрашивал: «Слушай, а что с бородкой такое вообще, а? Я вас представлял совсем другим».

...Очень жаль, когда такие люди уходят... Люди уходят... Из памяти уходят. Я думаю, еще долго его будут вспоминать нормально. Что такой человек жил. Что такой человек был. Нес себя. Был интересен.

поклонница Роминого творчества Марика Водкина

Я помню, как Леонид Рошаль пришел к Роме на передачу и был сначала несколько насторожен. Я и тогда еще уважала Рошалья и была удивлена, почему он так настороженно относится к Роме. В ходе передачи Рошаль успел понять, что Рома адекватный, образованный, культурный, профессионал своего дела, а насторожен был из-за слухов, которые ему передали накануне передачи.

В Петербурге

Наконец после долгой, изматывающей, страшной дороги мы добрались до Петербурга. Там нас уже встречали, в том числе и представители еврейской общины. Помню, я тогда как-то отрешенно удивился: странно все это, причем тут еврейская община?

Сегодня я уже не удивляюсь, а просто поражаюсь человеческой беспринципности. Какое отношение мой сын имел к иудаизму? Да, он увлекался историей религий. Многого знал о христианстве, исламе, буддизме и, конечно же, об иудаизме. Вы спросите, так зачем же нужно было именно еврейской общине принимать активнейшее участие в похоронах нашего сына?

С горькой усмешкой отвечаю: извечный квартирный вопрос. Даже здесь, когда, казалось бы, нет места мыслям о суетном и сиюминутном, они преследовали, в первую очередь, собственную выгоду.

Давно, еще лет десять назад, Рома разрешил им использовать одну из своих квартир для молений. И ушлые иудеи решили воспользоваться его смертью. Рома был известен. Его знали, за ним шли, ему поклонялись. Кому горе, а кому возможность поднять свою популярность. А заодно оставить за собой право и дальше пользоваться этой квартирой для молений.

Роман о религии

Я, по большому счету, атеист. В синагогу хожу по праздникам, чтобы выпить со знакомыми, пообщаться с друзьями и помочь неимущим.

Но иудаизм — это, по-моему, та религия, в которой все идет от ума. Ты можешь раввину задать вопрос — он все истолкует. Ты можешь в бога не верить, но исполнять заповеди ты обязан, потому что евреи — народ, избранный богом для того, чтобы нести слово божье, моральные заповеди другим народам. Если ты будешь воровать, пить, прелюбодействовать, то другие народы

скажут: «Зачем нам нужна такая религия?» Религия — это мораль. Если нет религии, то и морали нет. Нас в институте учили: читайте первоисточник. Если вы себе на шею повесите крест — это что-то вам даст? Если ты еврей, то повесь ты себе хоть крест, хоть полумесяц...

История квартиры на Моховой, 22

«Несколько раз мы проводили праздник на бывшей квартире Ребе, приуроченный к дате его освобождения из тюрьмы. Роман никогда нам не отказывал, всегда великодушно давал ключи от своего жилья, даже если это доставляло ему неудобства», — вспоминал один из членов еврейской общины.

Итак, откуда вообще взялась в нашей истории эта квартира на Моховой, 22? Идея купить ее принадлежала Лене. Причем квартира изначально приобреталась, чтобы ее сдавать. Деньги, как утверждала эта лицемерная женщина, должны были идти исключительно в пользу Льва-Давида. Причем Рома со свойственной ему широтой души обставил эту квартиру, что называется, по первому разряду. Одна люстра, которая до сих пор украшает там интерьер, стоит довольно солидную сумму. Но как выяснилось, у хитрой Елены были свои далеко идущие планы на эту квартиру. И она начала подготовку:

— Какая жалость! Стараюсь сдать эту квартиру, а желающих нет! — жаловалась она, всем своим видом давая понять, что усомниться в правдивости ее слов может лишь черствый и бессердечный субъект.

— Но как же так?! Это же центр города, рядом Летний сад, метро, Невский проспект, Русский музей. И потом, квартира Ромиными стараниями приведена в прекрасное состояние. Чтоб на такую квартиру не нашлось желающих! Быть такого не может.

Подобные разговоры она с достойным лучшего применения упорством заводила не два и даже не десять раз, подталкивая собеседника к желательному для себя выводу. И в конце концов она добилась своего: вселилась в эту квартиру полной хозяйкой.

В квартире, принадлежащей Роме, иногда проходили моления. Дело в том, что когда-то давно в этой квартире жил Шестой любавичский ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон, и в 1927 г. его репрессировали. К этому факту привязались высшие члены еврейской общины и попросили дать им возможность помолиться, так сказать, в доме пострадавшего за святое дело. Пустив их по своей доброте, Рома уже никакими силами не мог от них отделаться. Ну, а его бывшая сожительница, на время забыв о своих антисемитских взглядах, сделала себе из этого очередную статью дохода. Вот бы кого в передачу «Деньги не пахнут»!

Когда-то давно невозвратно давно

— Батинова, давай объявим, что умер Трахтенберг.

Рома хитро щурится при мысли о том, какая гениальная идея его посетила. Эпатажная, как и все, что они делают. И, главное, со счастливым финалом.

— Ты прикинь, как все поведется! И чтобы вход в траурный зал «на прощание» стоил два евро. Представляешь, сколько людей придет, чтобы на меня плюнуть, а еще договоримся, чтобы по дешевке в какой-нибудь магазин цветочный загнать все принесенные цветы... Представляешь, как все будут радоваться, а я тут из гроба встаю... Ты только подумай, какие деньжищи соберем!

**соведущая программы «Трахты-Барахты»
Елена Батинова**

Он был настоящим. Знаете, есть люди, про которых говорят, что они жрут жизнь. И он был такой, он все делал максимально: то есть если напиваться, то напиваться вдрызг, если танцевать, то до упаду, если смеяться, то до колик. Он делал все максимально.

Ленинградский дом радио

На церемонии прощания были и Елена, и Вера. Последняя с трагическим лицом тоскливо оглядывалась по сторонам и знакомо меня с друзьями Романа. Лена рыдала в три голоса. Я обнимал за плечи одной рукой свою супругу, а другой молодую вдову моего сына.

Но затем произошло что-то непонятное, нарушившее печальное благообразие церемонии. К микрофону вышла какая-то женщина и начала говорить слова соболезнования Льву-Давиду и почему-то Елене.

Только Лене! Ни слова о единственной законной жене. Дескать, Лена для него была всем, она его создала. Она и только она все годы заботилась о Романе, чуть ли не горячие обеды ежедневно ему в студию из Петербурга в Москву возила. Вокруг телевизионщики. Снимают. Планируется, что репортажи с похорон выйдут на центральном телевидении. Это же такой позор! У сына была законная жена Вера, а соболезнования принимает Елена! К тому же, не время и не место для сведения счетов.

Прошу телевизионщиков, чтобы они ни в коем случае не показывали выступление этой дамочки.

— Это не тот человек, чьи слова должны прозвучать с телевизионного экрана, — объясняю я. — Этим репортажем вы убьете и нас, и его жену, и память о нашем сыне! Не стоит выдавать это в эфир, потому как Лена никогда не была женой Романа. Да, у них общий ребенок — наш внук Лев-Давид. Но, повторяю: его законная жена и наша невестка — Вера. Плохая, хорошая — это другое дело.

Не успел я договорить последнюю фразу, как жена получила sms-сообщение с таким содержанием: «Вера — посторонний человек. Она никто. Настоящая жена Романа — Лена. Она родила вам внука. Не отталкивайте ее». Вот скажите мне, какого черта какая-то женщина, имени которой я не знаю, да и знать не хочу, будет нам указывать, как и к кому относиться в собственной семье?! К тому же, никто Лену и не отталкивал. Мы с женой всегда старались сохранить с ней добрые отношения, старались до самого последнего момента. Увы, для нее важнее оказалось другое...

Последние мгновения до закрытия гроба... Вот сейчас с глухим стуком закроется крышка, и мы больше никогда не увидим нашего мальчика... Страшное слово — никогда! Только лишь перебирая фотографии, журнальные вырезки да посещая кладбище, мы сможем смотреть на нашего Ромку.

Елисеева И.М.

Рома, мы собрали по 2 евро, выходи...

Тихонов Сергей

Рома, ты лучший. Ты всегда удивлял и опять удивил... Пусть земля тебе будет пухом. Обязательно принесу тебе те 2 евро.

Соколов Андрей

Ромочка!!! Любимый!!! Родной!!! Ну как мы без тебя!!! Еще тяжелей стало в этом сером и злом мире!!! Блин!! Нет слов!!! Эмоции переполняют!!! Ромочка, родненький, не уходи!!! Не оставляй нас!!! НАМ ТАК ТЕБЯ НЕ ХВАТАЕТ!!! МЫ ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ!!! Хоть все не успели этого сказать тебе! ПОМНИМ!!! СКОРБИМ!!! ЛЮБИМ!!!

Многие люди, знавшие Рому, и поклонники его творчества писали мне в личном порядке и на полном серьезе спрашивали, куда прислать два евро. Очень многие люди хотели открыть счет для сбора средств на памятник, организовать подписку среди друзей и знакомых. Но тогда я со смущением отказывался от этих предложений, сделанных от чистого сердца. Знать бы мне, какие события развернутся потом...

Не могу не рассказать о замечательном человеке, с которым я познакомился как раз в эти трагические дни. Серго Налбандян — искренний и страстный почитатель Роминого таланта. Настолько увлеченный, что копировал его мимику и внешность. Даже его знаменитую бородку, при виде которой у меня рука не-

произвольно тянулась за ножницами. Серго брался взять на себя расходы, связанные с памятником, причем просил об этом, как о великой чести. Но вмешалось то, что можно без преувеличения назвать злым роком. В разгар планов и надежд Серго разбился на скутере. Все, что я могу сделать в благодарность для этого прекрасного человека, — это оставить его страничку среди друзей в социальной сети.

Вяниев Динислам Самигулович

Не стало умного человека, которого я очень любил. Огромное количество его слушателей, в том числе и я, возвращаясь вечером домой, несли в семью не стресс с работы, а, благодаря его шуткам и отношению к жизни, хорошее настроение и веру в то, что все будет хорошо.

Соболезнования его близким, сочувствие всем, кто испытал огромную грусть, когда узнал эту страшную новость. Давайте вместе сделаем мир лучше, будем нести в него радость и наши улыбки, как делал это Роман Львович.

P.S. Куда сдавать 2 евро?

Дружинин Константин

Ромка, спасибо тебе за все. Ты особенный человек. Я обязательно положу два евро рядом с могилкой, и давайте все так же сделаем. Он просил об этом.

Фрагмент телепередачи Андрея Малахова «Пусть говорят»

Андрей Малахов: Ходят слухи, что утром он выпил полбутылки водки.

Вадим Тихомиров, радиоведущий «Маяка»: Это все сказки, я вообще никогда не видел его пьяным. Даже если он немного выпивал. Он умел держать удар, скажем так. Это, я считаю, очень хорошая черта.

Светлана Коннеген, телеведущая: Андрей, я могу тебе сказать, что мы с Ромой как раз общались на эту тему, и он сказал

мне, что практически завязал с выпивкой. Эти три с половиной года он вел на удивление здоровый образ жизни.

Андрей Малахов: То есть косвенная проблема была; завязывает тот, кто...

Светлана Коннеген: Он артист, и, как все артисты, он имел свою достаточно долгую биографию, и да, действительно, он когда-то выпивал. Но послушайте, кто же без греха-то?

Дмитрий Оленин, радиоведущий: Мы с Ромой работали вместе, и он был жаден до денег — в смысле, до своих денег, которые мог заработать. Он как-то сказал мне: все, я прекращаю пить, потому что когда я напиваюсь, я иду в казино рядом с домом и просаживаю там кучу денег. Несколько тысяч долларов за выходные у меня раз — и улетают. И он пошел и закодировался. И все, он больше не пил.

Светлана Коннеген: Друзья мои, Рома действительно был страстным человеком и поэтому у него были какие-то грехи. Мы с ним говорили о том, насколько возможно резко изменить образ жизни, и Ромка сказал: да, это абсолютно возможно. Ты видишь, я тут сижу, пью зеленый чай. Я не грешу, не таскаюсь по барам, по казино и так далее.

Алиса Шер, радиоведущая: Мужчину, когда у него настолько насыщенный график, мне кажется, Москва сжирает. Когда ты не можешь распределить свое время: ты и на радио, ты и на съемках, ты, может быть, выпиваешь. А если у тебя есть еще и предрасположенность сердечная, то, я считаю, это про Рому.

Кладбище им. жертв 9 января

На кладбище собралась целая толпа. Очень много желающих произнести речь, многие подходят к самой могиле, чтобы сказать несколько слов Роме лично, как будто он еще может их услышать.

Люди подходили к гробу и клали в него по два доллара, по два евро. В недоумении спросил у какой-то женщины, дескать, что это, зачем. Она и объяснила, что на одной из радиопередач Роман пошутил: «Как умру, положат меня в гроб, и все, кто придет меня проводить, скинут по два бакса. Потом на эти деньги

можно будет хорошо погулять, отпраздновать мою смерть, так сказать». Ох, шутник!

Много отзывов и соболезнований появилось накануне в социальных сетях.

Поминки. Снова не как подобает

После похорон состоялась поминальная трапеза. Честно говоря, я тогда был далек от этих печальных хлопот и предоставил свободу действий тем, кто взял на себя труд все организовать. Так называемые единоверцы не упустили возможности воспользоваться этим случаем. Но так, чтобы не потратить ни копейки.

Да, дорогие мои читатели! Ни похороны, ни поминки, о которых будет говориться далее, не были устроены за счет еврейской общины. За это я очень благодарен одному олигарху, который просил не называть своего имени.

Как вы думаете, где были устроены поминки? Ни за что не догадаетесь. Во всяком случае, ни одному нормальному человеку даже в голову не пришло бы организовать прощальную трапезу в таком месте и в таких условиях. Итак, мы в ресторане при синагоге. Само по себе это уже явилось для меня неприятным сюрпризом. Наша семья всегда была далека от этих религиозных вопросов, и потом, мы могли бы собраться помянуть Рому в каком-нибудь месте, с которым он был связан при жизни. Во всяком случае, у нормальных людей все делается именно так.

Но самое скверное было даже не в этом. Для чего устраивают поминки? Чтобы родственники, друзья и знакомые ушедшего могли морально поддержать друг друга, ощутить, что они не одиноки в этот тяжелый момент. Вы спросите, зачем я повторяю вам эти азбучные истины — как же может быть по-другому? Сейчас расскажу.

Представьте себе громадный зал, где стоит множество столиков, разбросанных только что не по углам. Организаторы даже не удосужились составить их как положено! Все разобщены: родственники, друзья, приятели... Нас посадили за столик с родителями Веры. Мы пытались было поговорить

с ними, но в ответ получили лишь взгляды исподлобья и молчание. Остальные присутствующие были заняты каждый своим делом. Ели, пили и наедались, и напивались, извиняюсь, до неприличного состояния. После трапезы, нетрезвые, объевшиеся, подходили к нам, лезли обниматься, целоваться с пьяными сентиментальностями. Дескать, вы такие прекрасные папа и мама, вы воспитали такого сына, вы навечно будете нашими родителями. Но для многих этими прочувствованными речами дело и закончилось. Вскоре от тех, кто клялся нам в вечной любви, и правда понадобилась помощь. Но в ответ на наши просьбы большинство этих так называемых Роминых друзей брызнуло во все стороны, как тараканы от яркого света...

Неприкаянный Сережа

На поминках присутствовал и старший сын Романа — Сережа, приехавший со всеми из Москвы. Смотрю, когда уже все стали расходиться, он застыл в растерянности посреди зала. Спрашиваю:

— Что случилось?

— Все уже собираются уезжать. А я не знаю, куда мне деться.

У меня даже дыхание перехватило от удивления.

— Как это куда? Тебе же отец квартиру купил. Езжай и живи там.

— У меня денег на дорогу нет, и вообще мне сказали, чтобы я там больше не появлялся...

Я бегом к Вере, пока она не уехала:

— Ты что? Почему Сереже не купили обратные билеты, почему пацана на улице бросаете?

А она, представляете себе, мне ответила:

— А почему я должна за него платить?

Я попытался ее урезонить:

— Верочка, да как ты вообще смеешь подобное говорить? Это же Ромин сын! А ты Ромина супруга, значит, Сергей — твой пасынок! Вы с ним не чужие люди.

В конце концов, купили они Сереже обратный билет до Москвы. Теперь я уже понимаю, что это было не проявление щедрости, а желание поскорее сплавить парня из города.

На тот момент еще не поднималась тема наследства, да и до этого ли было.

Когда провожали всех на вокзал перед отправкой поезда, я по-отечески обнял Веру:

— Милая, давай переживем это горе вместе. Ты только Сережу не бросай там одного, сложно ему сейчас, он же совсем молодой еще...

Она ничего не ответила, промолчала. На том и расстались.

Сиюю сейчас, перебираю статьи о Роме и вспоминаю, как он привозил мне какие-то свои футболки, костюмы. И вот, натыкаюсь на статью и понимаю, что мой сын был очаровательным, веселым заводилой — позером. И улыбаюсь сквозь слезы. Вот одна из таких статей. Улыбнитесь над ней вместе со мной.

Я не ношу костюмы дешевле \$6000

В минувшую пятницу самому скандальному шоумену страны Роману Трахтенбергу исполнилось 39 лет. День рождения он отметил в Казани сразу после своего «высокохудожественного разговорного шоу на основе ненормативной лексики», а наутро, свежий как огурчик, встретился с корреспондентом «ВК» в клубе читателей «Книжного двора».

Если кто не в курсе, Трахтенберг — автор 37 сборников анекдотов, книг «Гастролер», «Путь самца» и «Вы хотите стать звездой?». Лет десять назад он создал «рейтинг говнистости», и тройка лидеров в нем неизменна до сих пор: женщины, журналисты, артисты. Он уверяет, что переспал с женами многих российских артистов, телеведущих и политиков. Он очень любит себя и страшно гордится, что в 1999 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Прикладная культурология»...

Корр: Как справили день рождения?

Тр.: После выступления девчонки из моей труппы пришли и давай говорить, какой я хороший. Немного странно было это

слышать, но они ж выпили, а после выпивки словоблудие женщин незатыкаемо!

Корр: Непривычно видеть вас таким похудевшим.

Тр.: Так я уже давно похудел! Тридцать килограммов сбросил, и вот уже полгода не набрал ни одного лишнего. Отлично себя чувствую.

Корр: Наверняка постоянно хочется есть?

Тр.: Знаете что?! Когда поднимаетесь на сцену и после трех ступенек у тебя начинается одышка, когда ты не можешь нагнуться, чтобы завязать шнурки на ботинках, когда после выступления ты мокрый до трусов, то о еде не думаешь! Ты одно понимаешь: худеть нужно! Я сознательно пошел на жертвы: мне разработали диету, подобрали биотренажеры...

Корр: На какие еще жертвы вы готовы ради себя, любимого?

Тр.: Сейчас я плачу большие деньги за уроки игры на гитаре и уроки английского языка. Педагоги ко мне на дом приезжают. Зачем мне это нужно? Ну, бывают такие пьянки у олигархов — в сауне, к примеру. И им надо спеть. Я беру гитару: «Щас спою!». Но все же знают, что Трахтенберг не умеет играть на гитаре — вон как примитивно подыгрывает. И тут вдруг Трахтенберг берет заковыристый аккорд! И все в недоумении.

Корр: Люди, перед которыми вы выступаете, бывают вам омерзительны?

Тр.: Не-а. Люди, у которых есть деньги, чтобы заплатить за мое выступление, это люди образованные. Прошло то время, когда «быки» со сломанными ушами приходили: «А ну, давай тут нам!». Сейчас такого хамства нет. Я вообще хамства не приемлю.

Корр: А когда хамят вам — хамите в ответ. Я видела как-то телеверсию «Комеди клуб», где Павел Воля сказал про вас: «Человек — передозировка хны»...

Тр.: Я два раза у них был: они делают то же самое, что и я, только в тысячу раз хуже. Это мега-отстой! Я занимаюсь кабаре, у меня у одного программа — два с половиной часа! А у них — разделение труда: кто умеет петь — тот поет, кто стихи читать умеет — тот только стихи читает. Надо понимать, что телеверсия от их живого выступления сильно отличается. На живом выступлении им за 20 минут 30 раз кричат: «Пошли на...! Не смеш-

но!». А я — не такой артист, меня не просят уйти со сцены, тем более так далеко.

Корр: Вы считаете себя именно артистом? Не собирателем анекдотов, не писателем?

Тр.: Да какой я писатель! Ну, написал книжки, и что? Писатель — это Сорокин. Это Пелевин. Поляков. Акунин. Все остальные — писаки. Я по образованию — режиссер, кстати, но я даже режиссером себя не считаю. Сейчас вот сериал снимают по моей книге «Путь самца», планируют 48 серий сделать, предложили мне самому снимать — отказался. У меня опыта нет, я не знаю кино изнутри. Вот свою работу я изнутри знаю: и грузчиком в театре работал, и в массовке по Невскому проспекту в клоунском костюме ходил. В курсе, что если пожадничаете 200 долларов и не наймете, например, человека за костюмами следить — сопрут костюмы! Вот как мы с Еленой в 1989 году сперли, до сих пор пара костюмов где-то дома валяется. Зарабатывать было нужно, потому мы их сперли. Сейчас, кстати, я на все съемки со своим гардеробом приезжаю. А то знаете, как бывает? «Вы у нас будете олигархом, вот вам костюм!» И дают пятидесятидолларовый костюм. У меня сейчас нет ни одного костюма дешевле 6000 долларов. Часть раздариваю бедным артистам, так как похудел.

Корр: У вас есть стилист?

Тр.: Миша Васильев мне прическу такую придумал и бородку. О, чтоб вы были в курсе: это моя двенадцатая борода. До нее все одиннадцать были проданы на аукционах, самой дорогой была одиннадцатая — за 24 тысячи долларов продал, братья Суркисы купили — владельцы киевского «Динамо». Ну, пьяные были, решили приобрести мою волшебную бородку, чтобы выдирать из нее по волоску и загадывать желание. Если бы моя борода была в самом деле волшебной, хрен бы я ее продал! Я пробовал желание загадывать — мечтал, чтобы «Бентли» мне подарили. Видимо, еще не время, пока не дарят. Но когда-нибудь обязательно подарят! Еще я жилетки свои после выступления продаю. А почему нет, если есть желающие? Рекордная сумма за жилетку — 10 тысяч евро. Очень удобно: отработал в ней — продал, купил новую. Есть такие дураки, которым важно иметь вещь кумира.

Корр: У вас, по всей видимости, кумиров нет и никогда не было?

Тр.: Случай был: попал я как-то в дом к знаменитому Коле Васину, он — основатель храма любви, мира и музыки имени Джона Леннона в Питере, битломан. И рассказал я ему анекдот, тогда покойным из ливерпульской четверки был только Леннон: «Папа, папа, а что нужно сделать битлам, чтобы они объединились? — Три пули, сынок!». Васин ужасно оскорбился. А я привык смеяться! Мы, евреи, потому и выжили, что умеем смеяться над собой. Вот анекдот хороший: сидят два еврея, один говорит: «Были древние фараоны и евреи. Фараонов нет, а евреи есть. Были древние римляне и евреи. Древних римлян нет, а евреи есть. Были фашисты и евреи. Фашистов нет, а евреи есть». «Что ты этим хочешь сказать?» — спрашивает другой. «Что мы вышли в полуфинал!»

Корр: Вы довольны своей жизнью?

Тр.: У меня цель — заработать 20 миллионов долларов. Еще чуть-чуть не хватает. Понимаете, чем больше зарабатываешь денег, тем больше их хочется иметь. Чтобы вот пришел дом на Рублевке покупать — и купил без напряжения! Как книгу. Скоро у меня будет 20 миллионов, и тогда... Путешествовать буду. Но уже сейчас я обеспечил жизнь сына, и внукам немножко хватит. Так что — доволен я.

Впервые о наследстве

На девятый день Вера приехала к нам вместе с мамой. Зашла в квартиру, на удивление холодно поздоровалась, прошла на кухню. Я смотрел на невестку и не узнавал ее. Как возможно чуть больше чем за неделю настолько измениться. Она лениво цедила слова, отделяваясь односложными ответами, даже не поворачивая голову в сторону собеседника. Брезгливо взяла чашку с чаем, подержала на весу и поставила обратно. А чай у нас всегда хороший, коллекционный. Рома знал, что мама любит такой, и привозил постоянно. Да и вообще, что за странности?

В общем, вела себя Вера очень непонятно. Ее мама сидела рядом молча, никак не участвуя в разговоре, точнее, в моих попытках завязать беседу.

Сам собой зашел разговор о наследстве. Татьяна спросила:

— Вы можете дать кое-какие Ромины вещи? Дело в том, что они с папой одного размера... Ну, чтобы не покупать. Брюки там, кофты...

У нас в семье к этому относились как к своего рода традиции. А Ромка постоянно передавал через Сашу, нашего младшего сына, своего брата, мне то куртку, то сапоги. Он еще и смеялся при этом, говорил:

— Вот, отец, тебе новая шмотка; стоит, как твои три пенсии — дарю!

А сейчас это был бы как еще один подарок от сына и, что самое главное, как память. Как будто Рома незримо присутствует рядом со мной. У нас с женой хранится костюм 44 размера, в котором Рома пришел из армии, лыжная шапочка, в которой он школьником катался с горки. Эти вещи для нас живые.

Надо было видеть, каким взглядом Вера одарила свою свекровь. Так солдат смотрит на вошь, а чистюля-домохозяйка — на таракана. С гадливостью, презрением, как на грязную попрошайку. И так же презрительно процедила сквозь зубы:

— Ждите, когда будет суд.

— Верочка, ты что? Какой суд? — всплеснула руками Татьяна. — Мы что, из-за тряпок судиться будем?

— Ну вы же тоже наследники Ромы, а его вещи с аукциона можно продать. Кстати, большие деньги выручить.

— Как наследники? — по-прежнему не понимал я. — Какой аукцион?

— А нам ничего и не надо, — одновременно со мной пробормотала жена.

— Ну, раз не надо, тогда пишите отказ от своей доли, — моментально отреагировала невестка.

Но я уже пришел в себя и решил вежливо, но твердо дать отпор этим наглым притязаниям:

— Нет, раз уж нам чего-то положено, то почему же мы должны писать отказ? Несправедливо это!

— Вы можете написать отказ в пользу кого-то, ну, вы понимаете... — она повернулась ко мне, сделала милое личико, дескать, вы можете написать отказ в мою пользу, я ведь его законная жена.

— Нет, Верочка, не будет отказа. Даже не надейся.

При этих словах невестка скривилась и, встряхнувшись, повторила с насмешливой улыбкой:

